

К Р О К О Д И Л

K-556
46Г

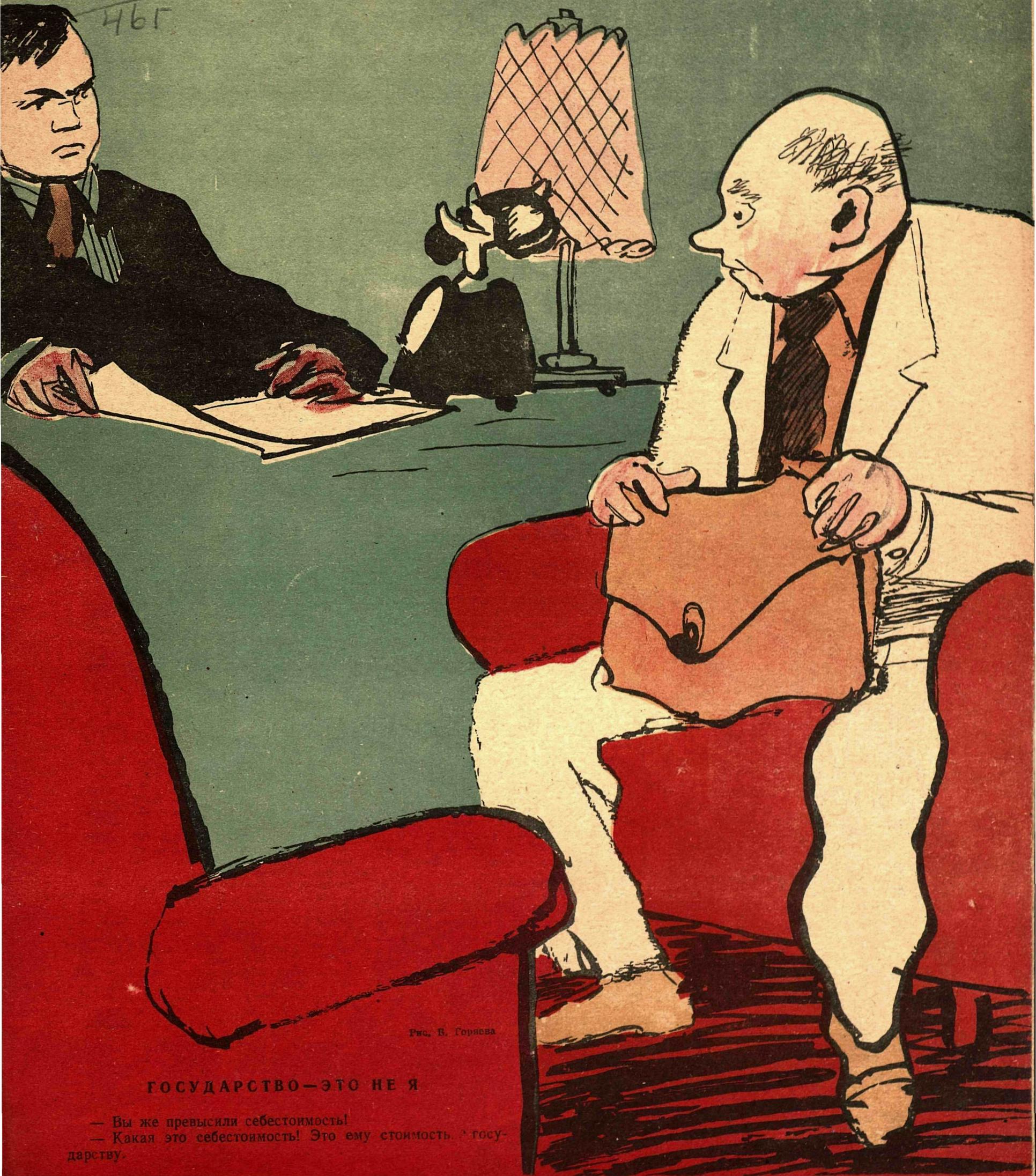
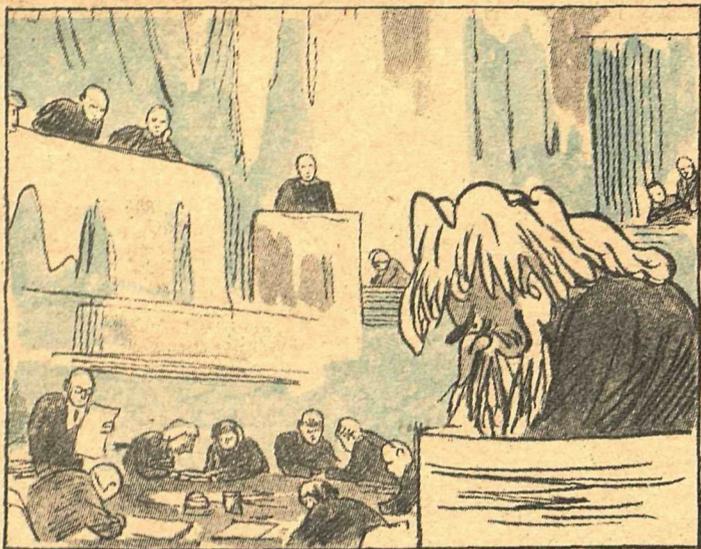

Рис. В. Горнова

ГОСУДАРСТВО — ЭТО НЕ Я

— Вы же превысили себестоимость!
— Какая это себестоимость! Это ему стоимость. Государству.

Места обвинения.

Места защиты.

ОТ СОБСТВЕННОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА

За нехваткой сырья в переплавку пущены старые антисоветские конструкции.

ПРИЖ. Молодчики из ПРД (так называемой «партии республиканской свободы») устроили фекальное шествие, во время которого разгромили редакцию газеты «Фрон националь». При свете многочисленных фекалов

было отчётливо видно гитлеровское лицо демонстрантов.

ТОКИО. Американским кинооператорам удалось заснять несколько кадров последнего акта японской агрессии. На процессе главных японских военных преступников обвиняемый Огава стукнул по лысине своего соседа по скамье подсудимых, бывшего премьера Тодзио. На экране эти майстерские кадры выглядят очень эффектно.

СИДНЕЙ. Вот уж несколько недель в Австралии свирепствует сильная буря. Это бури восторгов, вызванная в реакционных кругах угодливым заявлением мистера Келли, председателя лейбористской партии Нового Южного Уэльса, о том, что лейбористы будут исключаться из партии за пребывание в Обществе друзей Советского Союза.

чественным видом на трибуну и громко заявил, что только в нынешней Греции существует полная, неограниченная свобода печати. Он говорил совершенно серьёзно, глаза его нагло смотрели на публику, и конгресс видел перед собой образцового, показательного лгуна и клеветника. Это был замечательный живой пример великолепной дрессировки человека на службе у капиталиста-издателя.

Монархические гериты рассчитывали, что реакционные элементы поддержат их на конгрессе. Но никто не крикнул им «Пиль!» Они не услышали привычного «Ату!» Благовоспитанные англичане сделали вид, что не заметили неприличия, и благообразный Даскалакис, которому чёрная визитка заменяет фигурый листок, удалился на своё место. Он не был понят, не был оценён.

Неудача постигла и пана Ройека. Это был живой осколок разбитого вдребезги лондонского польского подполья. Затесался на конгресс он случайно и пытался развить и здесь клеветническую деятельность. От него, как от гоголевского Петрушки, несло на далёкое расстояние провокацией,—тем же запахом лакейской и уборной. Но он не держался в стороне, как Садак, и у него не было такого антично-торжественного вида, как у древнемонархических греков. Он шнырял всюду, маленький, грязноватый, с угодливой, льстивой улыбкой, всюду старался втереться, каждому навязывал как-то пахучие брошюры с таким таинственным видом, словно продавал из-под полы порнографические карточки.

Пан Ройек добивался слова на трибуне. Президент англичания Керзон, исходя из формальных соображений, предоставил ему это слово по вопросу о свободе печати, но предупредил призывительно в таких выражениях: пан Ройек, черт с вами, слово вы получите, но под условием, что вы не скажете ни слова о Польше, не будете полемизировать ни с кем и вообще не будете касаться актуальных политических вопросов.

Любой уважающий себя журналист вместо ответа вернул бы с негодованием свой билет. Однако отказ от билета был бы связан с отказом от приёмов и банкетов. Как мог бы решиться на такой жест пан Ройек, присяжный нахлебник, питающийся обедками с барских столов!

Пан Ройек угодливо согнулся в три погребели, вскарабкался на трибуну и блудливо пробормотал невнятную речь, в которой были трусливые намёки на то, чего не ведаёт никто. Это был последний представитель шляхетской Польши в среде демократической журналистики. Всем своим видом он свидетельствовал о вырождении и духовном убожестве польской реакции. Отныне этим господам вход на конгрессы журналистов полностью закрыт.

Мы видели в Копенгагене несколько показательных клеветников и должны были с удовлетворением отметить, что их изображения в Крокодиле не расходятся с действительностью.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

ВДОХНОВЛЯЮЩИЕ ЛИРЫ

Как выяснилось, Муссолини систематически субсидировал лидера английских фашистов Мосли сотнями тысяч лир.

Рис. С. Костина

— Откуда у Мосли столько денег?
— А он, видите ли, не успел отдать последний долг Муссолини.

Показательные
клеветники

В КОПЕНГАГЕНЕ на международном конгрессе журналистов скромные работники мировой печати спокойно и деловито обсуждали вопрос, как избавиться честной печати от главной язвы капиталистического газетного мира: от клеветников, лгунов, бесстыдных болтунов. И тут же сидели те, о ком шла речь. Они делали вид, будто это не их касается. Некоторым такая игра удавалась. Другим — нет. Среди них были люди из сатирического зверинца Крокодила. Мы узнавали старых знакомых.

Мы видели турецкого Садака. Это — дешёвое издание Ялчина. В своей печати он исходит антисоветской слюной. Но тут он сидел тихо и не подавал своего голоса. У него вид биржевого маклера, толстое брюшко, умильные глазки. Он сладко улыбался, когда к нему обращались, и только помаргивал, когда с трибуны раздавались речи о бесчестных журналистах, старающихся сорвать дело мира и дружбы между народами. Сам он благоразумно не вылезал на трибуну.

Полную противоположность ему представляли три Аякса, три греческих журналиста, все монархисты, все крайние правые: Апостол Даскалакис, Георгий Дроссос и Алексос Теодосопулос. Гомер наделил клеветника Терсита физическим уродством. Это было наивное представление античного пуманиста о людях, заслуживших общее презрение. Терситы нашего времени могут быть, напротив, весьма благообразны. Когда Даскалакису, Дроссоосу и Теодосопулосу в будущей, демократической Греции придётся переменить свою профессию, они за благородство осанки и гибкость спины легко получат места кельнеров в фешенебельных кафе или должности крупье в игорных домах. Там любят лакейскую красоту.

Впрочем, они могут выступать и в цирке в качестве клоунов. Один из них возшёл с вели-

Формы

Медведи

Иллюстрации Л. Соффергиса

Н А НИЖНИХ полках стояли там и сям ваньки-встаньки, глиняные горшки, лежали дудки, деревянные ложки, вакса.

А на средних и верхних полках, ещё недавно битком набитых товарами, не было ничего: махорку, спички, сахар, и всю мануфактуру, и всех номеров калоши точно вихрем унесло с тех полок. Пустота.

Завмаг, продавцы и кассир приходили в магазин на два—три часа и от нечего делать или играли в домино или пили чай с халвой. Самочувствие у них было расчудесное: покупатели как бы сквозь землю провалились,—безмятежность, блаженство.

Погуторив о том, о сём — о молодой жене председателя райпотребсоюза, о ценах на яйца, на баранину, на лук-репку, о клёве щук и окуней,—продавцы замыкали магазин и вешали на дверь оповещение:

«Закрыт по случаю хлебоуборки».

Понимать это следовало так: кооператоры уложили махорку, спички, чай, сладости, калоши и мануфактуру в ящики и тюки и повезут всё это «к борозде», т. е. туда, где жнут, косят, молотят или пашут, боронуют, сеют.

В те годы это называлось «поворотом к борозде».

И местным органам каждый раз мнилось, что «поворот» этот будет благодетелен во всех смыслах.

И вот идёт, бывало, жатва. Сияет солнце, блещут косы, поскрипывают рыдваны... Жатва — как жатва. Однако всё явственнее чувствуется что-то неладное. Словно шмели кусают вон ту вязальщицу. Вяжет она, вяжет и вдруг вздрогнет и, приладив ладонь к бровям, тревожно озирает поле от небосклона до небосклона. Она не проронила ещё ни звука, она только озирает окрестность, но уже всё звено встрепенулось, поднялось и тоже устремило взоры на запад, потом на север, потом на восток.

А на просёлках топчутся древние дедушки в зимних шапках, няни из детских яслей и многие иные, которым и по закону не положено выходить на полевые участки.

И неведомо откуда — с просёлка ли, где топчутся женщины на сносях, из звена ли Маруси Квашиной или из походной мастерской МТС,—просочилось и потекло с юга на север, с запада на восток жаркое слово:

— Везут!

Тут вам следует знать, что в торгующей сети ещё задолго до ярового сева или до уборки начался процесс накопления и бронирования махорки, спичек, «раковых шеек», калош, маркизета и т. п. Так что в это время никакой торговли уже не было, и душа селятеля, или возника, или скирдоправа истосковалась по табачку смертельно. Все жнеи и вязальщицы тоже пребывают в крайней тревоге: они весьма опасаются проворонить наступающую весну коопторговли, когда райпотребсоюз «выбрасывает» таких обворожительных расцветок ситцы и маркизеты, такую восхитительную галантерею...

— Везут!..

Колышутся женщины на сносях. Раздвигая ноздри, мчатся на рыдванах возчики. Дедушки в бараньих шапках шустро, точно молоденькие, перебирают ногами (им, дедушкам, тоже надобны табак, мыльце и многое другое). Всё движется к изволоку. Сейчас снизу, с моста, на тот изволок поднимется фургон — и тогда флаг поднят, ярмарка открыта и... жатва прекращена часов на пять.

Фургон, весь в пунцовых полотнищах, в пышноцветных плакатах, уже шуршит по настилу моста, уже вздымается на изволок, но...

— Да это же сберкаска!..

И в самом деле сберкаска. Она тоже повернулась лицом к борозде. Два бездельника, сев в фургон, едут с севера на северо-восток. Если пожелают того вязальщицы, или скирдоправы, или горючевозы, они, подойдя к фургону, могут узнать, не выиграла ли какая-нибудь из их облигаций.

Кроме торгующей сети и сберкассы к борозде повёртывались и духовые оркестры, и парикмахеры из районного города, и даже бухгалтер Госстраха. У того бухгалтера несколько хриповатый, но вполне мощный бас. И дважды в год — перед яровым севом и перед жатвой — бухгалтер вручал секретарю первичной парторганизации мужественное заявление:

«По примеру прежниххозполиткаманий выражаю согласие мобилизоваться для культиспользования на весь период ответственных полевых работ».

Его мобилизовывали.

На зорях бухгалтер ловил перепелов (у него отменные птичеловные снасти), днём или спал на пасеке или вкушал и пил там что-нибудь такое, а поздними вечерами, когда старательным колхозникам невыразимо хочется отдохнуть и выспаться, он, приблизившись к полевому табору, обрушивал на хороших людей:

«О скалы грозные...»

Разумеется, повёртывалась к борозде и избачитальня. Осенью и зимой местные органы почти совсем забывали об избаче, ему не давали ни дров, ни керосина, ни денег, а избучитальню приспособляли то для перевалочного зернового пункта, то для хранения корнеплодов... И только ранней весной да ещё в июне, когда цветёт рожь, районные органы, принимая развёрнутые постановления, вспоминали об избаче и вменяли ему в обязанность то-то, и то-то, и то-то...

Тогда избач пробирался по остаткам корнеплодов к книжному шкафу и всё, что там только было (первый том «Войны и мира», полного Некрасова, «Общее животноводство», «Капитанскую дочку» и прочее), складывал в два мешка.

И хотя ни один пахарь и ни один косец по причине чрезвычайной их занятости не ощущали настоятельной потребности вот тут же, в борозде, или на привале, наслаждаться классическими творениями, избач и его жена всё ходили да ходили с мешками из табора в табор, с участка на другой и аккуратнейше записывали в тетрадь «культурмаршрут библиотеки».

И если кто-нибудь спрашивал председателя колхоза, для чего тут мешки с книгами, председатель тусклым голосом произносил:

— Практически оно, конечно, вроде как и не надо бы, но если подойти политически, то уж тут дело, конечно, другое.

А сам отводил глаза в сторону, и на лице его читалось: «Неужели сами не видите, что чепуха несусветная, что всё это только для формы?..»

* * *

Война...

Формалисты, очковтиратели, вспышкopusкатели как в воду канули.

Надо было дело делать.

И уже казалось, что вспышкopusкательству теперь крышка навечно.

Навечно? А вот и нет...

* * *

На Ставропольщине уже началось. Начали это «псалтырщики». Так называют в колхозах тех читчиков, которые формы и отчётности ради опошлили прекраснейшее, насущно нужное дело.

Читчики приходят на бригадные привалы около полудня, когда колхозники отдыхают после шестичасового и даже семичасового труда. Победив и отдохнув, они снова уйдут на поля. Разумеется, чем старательнее трудится человек, тем нужнее ему благостный «мёртвый» час. Но приходят читчики. Что же, добро пожаловать! Пусть скажут, что нового на земле. А если принесли они важную газетную статью или полезный какой-нибудь рассказ-быль, пусть прочитают. Только коротенько, и чтобы было ясно.

Но читчики всё читают длиннее, и такое неясное, что, по деревенскому слову, «в голову не ползёт, мимо головы валится...» Например, о каком-то гравёре. Быть может, он хороший человек, этот гравёр, но колхозного пахаря, уже одолевшего полную норму и замыслившего вспахать после обеда ещё столько же, гравюры в данный момент не занимают. Бог с ними!

А в артели «Хлебороб», что в Молотовском районе, чтецы донимали этой весной чтением об огнеопасных грузах и о каком-то Феде изпод Плава.

Этого Федю колхозники прозвали «Федей насмерть», потому что чтница начала читать про него ещё в четверг и читала в тот день до тех пор, пока людей не разбудили на работу. «Завтра продолжим»,—сказала чтница и поставила в книге птичку.

В пятницу, когда она стала искать птичку, чтобы продолжать чтение, колхозники сказали:

— Ты бы нам чего полегче. А это в голову не ползёт.

А чтница и сама знала, что «в голову не ползёт». Ей самой было тоскливо, голос её звучал, как если бы она жаловалась на постоянное недомогание, на боли в пояснице, в печени и пр. Но форма!.. Но отчётность!.. И чтница всё читала и читала...

В субботу она опять читала про Федю.

Те колхозники, которые привыкли спать на левом боку, лежали к ней спиной и негромко похрапывали.

А. КОЛОСОВ

ПИСАНЫЙ КРАСАВЕЦ

— А почему, мама, на дяде тоже написали? На горе места не хватило?

НА ДАЧЕ

ЧТО может быть лучше природы!
Ничего не может быть.

И ясно, что в воскресенье каждого нормального горожанина тянет за город, на воздух, на природу, на дачу.

И ничего нет удивительного в том, что в прошлое воскресенье я решил поехать на электричке в Валентиновку.

И чорт меня дернул взять с собой одного своего знакомого, товарища Н. — руководящего работника одного из московских предприятий.

Вопреки всем препятствиям, созданным начальником Ярославской дороги для пассажиров пригородных поездов, мы купили билеты, втиснулись в вагон и через каких-нибудь сорок минут очутились в сосновом лесу.

Пахло смолой, какими-то травами, легко дышалось.

— Какая чудесная природа!..

— Да. Сто процентов сосны, — сказал мой знакомый.

На вершине дерева приятно защекотала какая-то милая птица и, напуганная нашим соседством, вспорхнула и полетела.

— Смотрите, как высоко полетела птичка!..

— Это ещё не её потолок, — сказал он.

Я плюнул на птичку, и мы пошли дальше.

— Неужели вы не любите и не понимаете природы? — спросил я. — Неужели вы не можете оценить всё это?

— Почему? Она меня удовлетворяет, — сказал он. — И это вполне закономерно.

Мы пришли на дачу. Уселись на веранде, обсаженной молодой рассадой душистого горошка.

— Горошек ещё не поднят на должную высоту, — сказал он.

Почему-то мне сразу же захотелось уйти с веранды.

Мы прошли через сад и вышли к реке. Дул лёгкий ветерок, и какие-то маленькие рыбёшки играли на солнце.

— Какие симпатичные рыбки!

— Плавают по поверхности, — заметил знакомый.

На берегу не было ни одного дерева, и только у излучины реки стояла, склонившись к воде, одинокая горбатая ива.

— Смотрите, — сказал я, — дерево. Как оно неожиданно здесь...

— Да. Оно нетипично для данной местности.

Мы быстро ушли с реки и вышли на полянку, усеянную жёлтыми цветочками лютика. Они горели, как маленькие солнца. Это было очень красиво. Я остановился, залюбовавшись цветами.

— Неорганизованно растут, — сказал он.

В это воскресенье я пробыл на даче полтора часа и уехал.

Теперь в свободное время я всегда буду ездить за город на дачу, но своего знакомого, руководящего работника одного из московских предприятий, я не возьму с собой никогда.

Владимир ПОЛЯКОВ

ОДНАЖДЫ...

РЕДКОСТЬ

Однажды Джордж Вашингтон, путешествуя по стране, был вынужден остановиться в маленькой деревушке в штате Джорджия. Зайдя в таверну, он заказал себе три яйца, съел их, спросил, сколько надо заплатить.

— Сто долларов, — был ответ.

— Сто долларов! — удивился президент. — Должно быть, яйца в ваших краях очень редки?

— Нет, сэр, яйца не редки, но президенты — да.

ГОЛОВА И БОРОДА

Однажды Карл Второй, король английский, будучи в Лондоне, заметил на улице человека с чёрной бородой и седой головой. Подозвав его, он спросил:

— Отчего это у вас чёрная борода, а голова совсем седая?

— Оттого, — ответил прохожий, — что голова на двадцать лет старше бороды.

ОТЛИЧНЫЙ ВРАЧ

Однажды Людовик XIV спросил Мольера:

— Правда ли, что у тебя есть домашний врач? Каков он?

— Отличный, ваше величество! — ответил драматург. — Он приезжает, мы болтаем, он прописывает лекарство, я его не принимаю, он не обращает на это внимания и... я выздоравливаю...

ЗАМЕЧАНИЕ ПО СУЩЕСТВУ

Однажды Булгарин, присутствуя на похоронах журналиста Полевого, хотел нести гроб вместе с друзьями покойного.

— Полноте, зачем вам это? — заметил артист П. А. Каратыгин. — Вы уже и так при жизни довольно его поносили...

ЭКСПРОМТ

Однажды известный артист И. И. Монахов, увидав, как А. Полонский исполнял роль Репетилова в «Горе от ума» и Гамлета в шекспировской трагедии, сказал экспромтом:

— Друг, не сердись, ведь я не из зоилов,
А говорю, как искренний поэт:
В Гамлете ты смешон, как пьяный Репетилов,
А в Репетилове ты грустен, как Гамлет!

СЧАСТЛИВЫЙ обладатель несметного количества веснушек и фантастических грёз, мальчишка лет четырнадцати вихрем влетел в уголовный розыск.

Слепка заикаясь от волнения, мальчишка спросил дежурного:

— Где тут у вас этот... самый главный... Шерлок Холмс?

Дежурный ничего не понял.

— Мне нужен опытный детектив,— разъярился мальчишка.

Но и после этого дежурный продолжал равнодушно смотреть на мир божий, в том числе и на веснушки юного посетителя.

В это время приоткрылась дверь, обитая чёрным дерматином. Из-за дерматиона показалась голова, скупо обсаженная по краям мелкой и колючей растительностью.

— Павел Поликарпович,— обратился к нему дежурный,— вот тут пацан чего-то...

— Мне нужен Шерлок Холмс!— решительно заявил мальчишка.

— Я Шерлок Холмс!— не менее решительно провозгласил Павел Поликарпович.— Прошу!

Очугившись в кабинете, мальчишка вынул из кармана серой тужурочки пачечку каких-то записочек, перевязанных суровой ниткой, и торжественно произнёс:

— Вот! Я попал на след крупного и запутанного преступления! Злодей в наших руках!

Павел Поликарпович сначала внимательно оглядел своего энергичного посетителя, и тому даже показалось, что Шерлок Холмс пересчитал его веснушки. Затем Павел Поликарпович неторопливо вооружился очками в белой роговой оправе и стал просматривать записочки.

Ни один мускул не дрогнул на его мужественном лице. Спокойно, деловито он читал про себя одну записочку за другой. Их было штук двадцать.

Затем, отложив их в сторону, он снял очки и сказал:

— Спасибо, молодой человек. Ясно, что это шифр, молодой человек. Мы разберёмся, молодой человек. До свидания, молодой человек...

Вот что было сказано в этих записочках:

«Катя! Начались холода. Пришли мне тёплые кальсоны. Обязательно сожги эту записочку. Игорь».

«Катя! У меня опять сильнейший понос. Пришли английскую соль. Обязательно сожги эту записочку. Игорь».

«Дурёха! Ты по своей привычке напутала и передала Ф. то, о чём я тебя не просил. Обязательно сожги эту записочку. Игорь».

«Ч. просит вернуть ему деньги. Шиш с маслом! Так и скажи ему. Обязательно сожги эту записочку. Игорь».

«Катя, второй день у меня болит живот. А ты где-то шлындаешь до двух часов ночи. Звонил, звонил, тебя дома нет. Обязательно сожги эту записочку. Игорь».

И т. д., и т. п. И в каждом послании таинственные слова: «Обязательно сожги...»

Прошел год. Всеопытнейший Павел Поликарпович так и не попал на след Игоря.

Но я, автор этих строк, попал. И, не откладывая дела в долгий ящик, сейчас же раскрою перед читателем тайну. Внимание!

Живёт в нашей местности человек по имени Игорь, по фамилии Двоекуров. Сочинил он как-то полторы пьески.

Сочинил и отправился на всю жизнь сильнодействующим ядом самомнения и тщеславия.

Игорь Двоекуров твёрдо решил, что он уже вошёл в историю и обеспечил себе бессмертие.

Он был уверен, что у наших потомков не будет иного дела, кроме как изучать жизнь и деятельность Игоря Двоекурова. Идя навстречу потомкам, он готовил том своих писем к жене.

Надо вам при этом знать, что маститый писатель, считая, что его адоровье принадлежит не ему, а всему человечеству, а потому, будучи другом человечеству, большую часть года проводил в домах творчества, в домах отдыха, санаториях.

Отсюда он писал жене такого рода эпистолярные:

«Мой нежный друг, Катя! Ты знаешь, как я люблю природу — леса, долины, цветы, холмы, ласковый шопот ручьёв. Недаром один из героев моей пьесы говорит: «Скажи мне, любишь ли ты природу, и я скажу, кто ты».

Но творческая работа всё время отрывает меня от чар мироздания. Ведь труд, искусство — это главная цель моей жизни. Роясь в своих не опубликованных ещё черновиках, я нашёл характерную для меня фразу: «Скажи мне, любишь ли ты искусство, и я скажу, кто ты».

Я много работаю: пишу и читаю. Учиться, всегда учиться — вот ещё одна цель моей жизни. Сейчас перечитываю некоторые ранние произведения Маркса и поздние произведения Гегеля. Ты же знаешь, как я люблю философию. Недаром в плане моей будущей пьесы есть такое место. Одна старушка говорит своему внуку: «Скажи мне, любишь ли ты философию, и я скажу, кто ты».

Я работаю здесь, вдали от тебя, но твой ласковый образ всегда передо мной. Я знаю, мой друг, как горячо ты любишь меня. Вот почему я всегда твержу: «Скажи мне, кого ты ещё любишь, и я скажу, кто ты»...

Такие вот письма Двоекурова предназначал для истории, и жене велено было самым строгим образом хранить их в комодке, а комодок беречь, как зеницу ока.

Одновременно с письмами для истории он посылал жене и деловые записочки, которые, как вы уже знаете, наказывал обязательно предать огню, дабы они не попали к будущим поколениям.

Но супруга, отличавшаяся рассеянностью, забыла приказ мужа и хранила его записочки в сумочке. И где-то (точно не знаем, как это случилось) выронила их.

А мальчишка, счастливый обладатель несметного количества веснушек и фантастических грёз, случайно нашёл эти записочки.

Льщу себя призрачной надеждой, что эти строки дойдут до этого милого паренька и он наконец успокоится: на след-то он действительно попал, но не на след злодея, а на человека, который тщетно пытается наследить в истории.

Г. РЫКЛИН

ЛЕТНИЙ ПЕЙЗАЖ

(Некоторым деятелям городского транспорта с благоговением посвящается)

Был набит автобус туго:
Люди в брюках, люди в платьях
Пребывали друг у друга
В принудительных объёмах.

Тесно, тошно, душно, потно,
Льнут ко лбу кудрей волокна,
Но закупорены плотно
Все автобусные окна.

Тут бы даже и сам лев,
Что по джунглям рыщет,

Окачурился, сомлев,
В этой духотище.

Бюрократ — и то бы сник,
Сентиментов чуждый, —
Так пойми ж, автобусник,
Человечьи нужды!

Не дышать мы рады б, но
Повелось от веку,
Что дыханье надобно
В жизни человеку.

Я. САШИН

— Костюмчик оторвал мировецкий,
галстук — на ять, ботиночки — зака-
чаешься!.. Теперь я культурный — во!..
На большой!..

Примолкли мы все. Пахомов заявляет:
 — Так и есть! Тикает. Слышите?
 А Марья Павловна ему:
 — Это не мина тикает, а я тикаю как инвалид психической группы...
 Все зашевелились, а Феня говорит:
 — Мне давно надоело лежать. Мне, во-первых, почему-то мокро...
 А ещё бы не мокро: когда Фенька нащупала мину, то Анна Никитишна как раз наливала чайник. И она не завернула кран, по коридору уже ручей текёт...
 Ну, стали мы подыматься. Пахомов тоже полез вниз со шкафа.
 На всякий случай он глядел всё время на мину. И потому зацепил ногою картонку, которая стояла на шкафу. Картонка ка-ак грохнется вниз...
 Мы опять все носами об пол.
 А Пахомов открыл дверь шкафа и нырнул туда...
 Но, между прочим, взрывов нет и нет. Феня хлюпается в своей луже и кричит:
 — Придумала!.. Давайте мы и её зальём водой!..
 Ну принесли все вместе двадцать вёдер воды и вылили на мешок.
 А сами соображаем: куда звонить насчёт этой мины: кто говорит — в уголовный розыск, кто — в скорую помощь... Марья Павловна говорит:
 — Позвоните моему врачу — невропатологу.
 А я тем временем на цыпочках к двери и — в домоуправление.
 ...Прихожу, говорю:
 — Так и так. Идите в нашу квартиру мину укрощать.
 Из домоуправления дали мне одного товарища — тоже фронтовика с медалями. Выспросил он всё и смеётся. Я ему:
 — Напрасно, — говорю, — вы зубы скалите. Может, мы придём, а она там из наших жильцов накрошила винегрет с подливкой...
 Вот мы входим в наш подъезд, а навстречу нам по лестнице спускаются Марья Павловна, Анна Никитишна, Пахомов, Селезнёва, Феня...
 И все — с вещами, с авоськами.
 — Вы куда?!
 Марья Павловна говорит:
 — Лично я еду в Тулу к племяннице жить навсегда...
 Так верите ли? Их теперь даже малые детишки в нашем переулке дразнят:
 — Тётенька, расскажи, как ты от коробки с пуговицами хотела эвакуироваться в Ташкент.
 А ничего тут смешного нет. Чистый был ужас. Треволение.

В. АРДОВ

ОТРЫВКИ
 ИЗ
 НЕНАПИСАННОГО

Он верил в переселение душ на дачу.

Двугорбому верблюду одnogорбый верблюд кажется калекой.

У неё была осиная талия и такой же характер.

Не считай себя солнцеподобным только потому, что на тебя нашло затмение.

Обилие пальм делало курорт похожим на вестибюль гостиницы.

Сена в городе не было, и извозчик кормил лошадь соломенными шляпками.

Гора с горою не сходится. А альпинист с альпинисткой?

Годы обогатили его не только опытом: у него прибавилось и серебра в бороде и золота — во рту.

Под псевдонимом «нагревательный прибор» скрывался, как выяснилось, самый обыкновенный электрочайник.

Критик категорически утверждал, что пятидесятилетний беллетрист Н. «ещё растёт».

Спектакль был из тех, которые следовало бы ставить при спущенном занавесе.

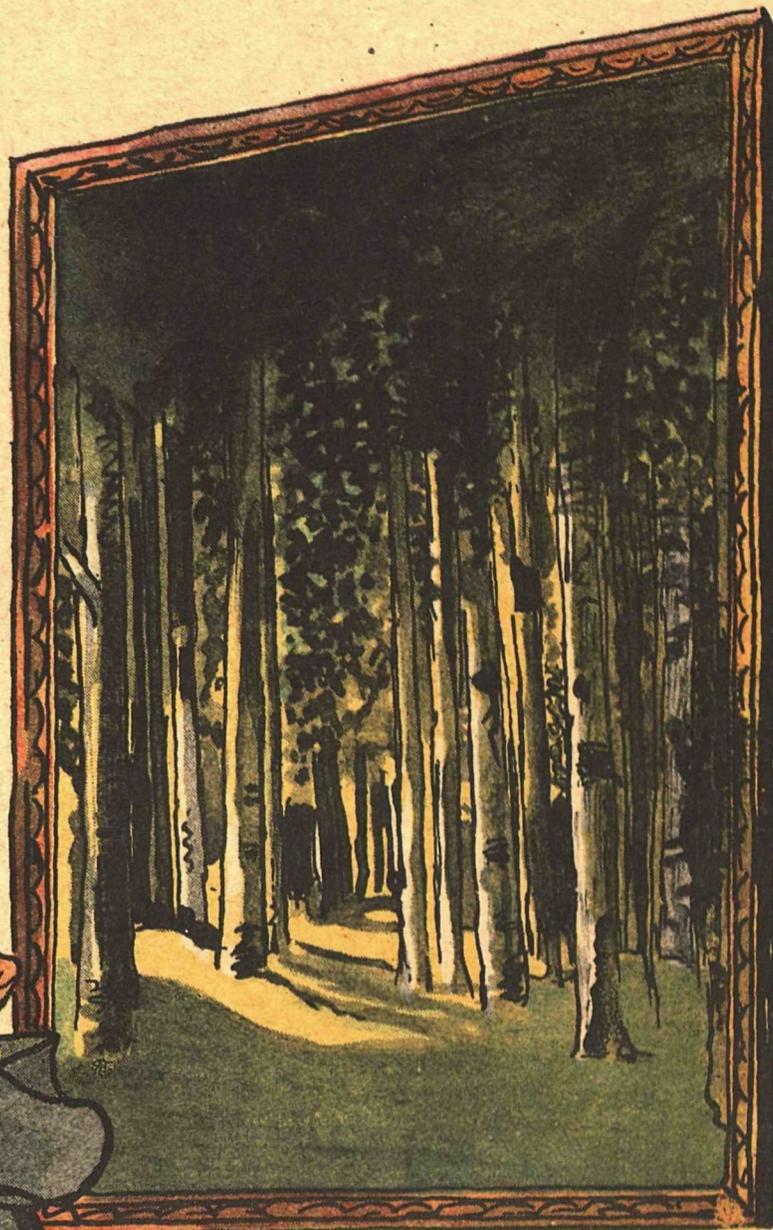
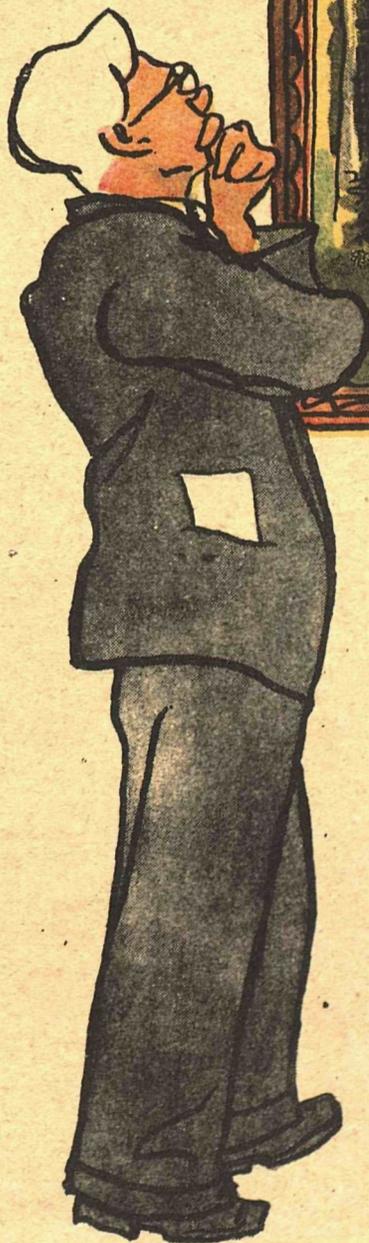
— Удивительная вещь: ткань с разводами, а брак!

Комар в твоей комнате страшнее льва, который в Африке.

Сосна полагала, что самые важные шишки — сосновые.

Забывший писатель искал забвенья в вине.

М. ЯКОВЛЕВ

А.И. КУИНДЖИ
 БЕРЕЗОВАЯ РОЩА

— Видать, что Куинджи с природы эту дачную местность писал. Хлебного ларька нет, керосиновой палатки нет, колодца нет... Точь-вточь наша дача!

ПО ПОВОДУ

Открывалась новая пивная...
 Отчего ж заминка, не пойму.
 От жары и жажды изнывая,
 Я вошёл с вопросом: «Почему?»

И тотчас же получил толковый,
 Точный, вразумительный ответ:
 — Да ещё таблички не готовы:

«Пива нет».

П. КАРАВАН

Рис. Е. Еюгана

Лёд уже идёт.

Лёд ещё не пришёл

Ландышевые капли

ОН И **О**НА долго стояли в очереди у закрытых дверей начальника городской станции.

Он руководящий областной работник торговли Кошелев. Она студентка и притом весьма милостивое создание.

Он, Кошелев, возвращался из командировки домой. Она, Ксана Гай, после зачётов выезжала к себе на родину.

Из дверей начальника городской станции выходили люди большей частью с тоской во взоре: билетов они не получили. Ни на кого не глядя, они стыдливо загибали в карманы неоправданные записки и «брони» и уходили в неизвестном направлении.

Кошелев иронически поглядывал на неудачников, он был уверен, для него билет приготовлен. Ему нечего бояться закрытых дверей. Он гордо оглядывался вокруг и, наконец, взгляделся в чёрные очи Ксаны, стоявшей впереди него. Очи были печальны. Сердце Ксаны было испугано унылым видом лиц, не получивших билета. Ей бы хоть острое плацкартное...

— Что у вас? — ласково спросил Кошелев.

— Ничего особенного, просто записка...

— Попробуйте... может, что-нибудь выйдет, — сказал Кошелев. — Впрочем, вы постойте здесь, а я попробую вас выручить...

Кошелев ушёл к телефону-автомату. Он куда-то звонил, кого-то убедительно просил, что-то обещал, умолял и в заключение весело сказал:

— Спасибо, что выручил. Мне крайне необходимо. Понимаешь, старый боевой товарищ и не может выехать... Обязательно привезу. Итак, я жду бронь. Пусть твой человек подойдёт к кабинету и спросит меня.

Кошелев, ещё более гордый, вернулся к Ксане и участливо спросил:

— Ничего, что будет международный?..

— Что ж делать, — нерешительно сказала Ксана.

— Не беспокойтесь... Я знаю, какие у студентов финансы, выручим вас.

Через полчаса, вспотевший от счастья, Кошелев вручил Ксане билет в международный вагон первого класса.

— Как я вам благодарна, — сказала Ксана, — так хочется уехать!

— Всегда готов... так сказать. Смотрите, не опоздайте. Нам придётся быть соседями.

Он машинально втянул свой живот, чтобы казаться хотя бы чуть-чуть изящней и тоньше.

Они расстались, чтобы встретиться в вагоне. До отхода поезда Кошелев принял некоторые организационные меры.

«В вагон-ресторан не пойдёшь с ней... Во-

первых, там особторговские цены. Эти цены мне известны, — размышлял Кошелев, — а, с другой стороны, надо».

Кошелев подсчитал свои финансы и решился: — Истрачу на неё рублей шестьсот — и хватит.

Он купил немного вина, конфет, закусок-деликатесов и флакон одеколора. Затем сбегал в парикмахерскую, свежее выбрился, сделал себе массаж лица и в заключение купил шёлковые носки в клетку.

— Всё-таки двое суток вместе, — подбодрял себя Кошелев.

За десять минут до отхода поезда явилась Ксана, Счастливая и довольная, она вошла в купе.

— Ой, как здесь хорошо! Первый раз в таком вагоне.

Кошелев кивнул на приготовленный им букет цветов (букет был куплен у самого вокзала вне плана).

— Ещё раз большое спасибо, — сказала Ксана и бросила на Кошелева нежный взгляд.

— А где же ваши вещи? — спросил Кошелев.

— А там, на вокзале, я давно приехала.

Ксана улыбнулась и побежала за вещами.

Через несколько минут в купе вошёл носильщик и с опромным трудом поставил наверх в багажник тяжёлый чемодан-сундук, за ним такой же поменьше. Вслед за чемоданами появилась полная пожилая дама в чёрном летнем пальто и в чёрной соломенной шляпке.

Дама дышала с таким же трудом, как и запыхавшийся носильщик.

— Позвольте... — сказал потускневший Кошелев, — это место занято.

— Знаю, — любезно сказала дама. — Но мы поменялись с одной девушкой... Я человек больной, у меня нервы... мне нужен покой. Она была так любезна и сама перешла в мягкий. Хорошая девушка, — заметила дама, — она вас так хвалила.

Рядом с цветами дама поставила две бутылочки с лекарством, и в купе сразу воцарился запах ландышевых капель.

Лицо Кошелева сначала покрылось мертвенной бледностью, затем оно позеленело, потом пожелтело, после чего украсилось разноцветными пятнами.

— Боже мой, — воскликнула дама, — у вас такой плохой вид!.. Примите вот эти ландышевые капли. Обязательно. Я вам сейчас накапаю.

Кошелев подумал: «Эх, всё равно!» — и залпом выпил невкусную жидкость...

РАССКАЗ О НЕКОМ ПРЕДСЕДАТЕЛЕ РАЙСОВЕТА, ПРЕВРАТИВШЕМСЯ В АНАХОРЕТА

Он клялся нам и божился нам,
Что будет внимателен и старателен,
Что все свои силы отдаст сполна
Заботам о жизни своих избирателей.

И мы сказали: «Быть по сему!
Радует нас обещание это!» —
И вместе с цветами вручили ему
Мандат председателя райсовета.

И начал он, засучив рукава,
С азартом бороться за наши права.

Он полным ходом пошёл вперёд...
Подняв строительную кампанию,
Соорудил за какой-нибудь год
Новую крышу над дряхлой баней;

Покрасил пожарную каланчу,
На улицах вырубил клён и тополь,
Сломал поддожины ветхих лагуч
И кое-где мостовую заштопал.

Но только на это его и хватило:
Он быстро лишился страсти и пыла.
Устроив на тёпленькие места
И ближних родственников и дальних,
В совет заглядывать перестал
Уже опочивший на лаврах
«начальник».

А дальше пошло всё хуже и хуже,
Взор потускнел, и усы обвисли.
Был он у нас государственным мужем,
А стал лишь мужем в обычном смысле.

Для дачных прогулок жене и сыну
Подарил он общественную машину.

В уютных покоях уединясь,
Бывший трибун превратился
в затворника
И вместо широких народных масс
Видит в окно одного лишь дворника!

М. ЭДЕЛЬ

Сергей ШВЕЦОВ

ГРУСТНАЯ весть чёрной птицей облетела каспийские суда и порты. Сомнений не было, да и быть как будто не могло: факт сообщался официально, с глубоким прискорбием. И, вспоминая ушедшего друга, старые моряки сокрушённо качали головами:

— Эх, славный был капитан Али-Бала! Замечательный капитан!

Рассуждали о бренности человеческой жизни. Вот всего каких-нибудь пять дней назад видели его в полном здравии и превосходном расположении духа, а нынче... Был человек — и нет человека. А главное, какой человек был! Кто не знал Али-Бала Раджабова, старейшего капитана Каспия?!

Низкий, протяжный гудок, возникнув где-то совсем рядом, торжественно проплыл над улицами большого портового города. Старые моряки, только что вспоминая о покойном капитане Раджабове, прислушались и, разом сорвавшись с места, побежали на пристань. Танкер «Иосиф Сталин», вернувшийся из очередного рейса, медленно подходил к причалу.

— Да, всего каких-нибудь пять дней назад, — уныло повторил седой штурман, давнишний друг Раджабова, — был человек и... Чур меня, чур! Братцы, или мне мерещится или это привидение стоит на капитанском мостике?!

...После того как танкер пришвартовался к причалу, моряки долго душили в объятиях, тискали и ощупывали ко всех сторон весьма плотное по комплекции «привидение», оказавшееся живым во плоти капитаном Раджабовым. А сам он никак не мог взять в толк, почему его прибытие вызвало такую шумную сенсацию, пока кто-то не сунул ему в руки газету, зачитанную до дыр. Это был номер центральной газеты «Морской флот» от 28 мая с некрологом, посвящённым Раджабову.

В некрологе было ясно и вразумительно написано, что Али-Баба Раджабов — старейший капитан Каспия; что он умер; что задолго до этого прискорбного события он родился в семье боцмана, а сравнительно незадолго стал Героем труда; был награждён орденами Ленина и Трудового красного знамени, медалями «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией»; словом, пройден благородный жизненный путь, и — спи с миром, незабвенный товарищ!

Старейший капитан Каспия нагнул на лоб фуражку и молча зашагал домой, сопровождаемый целой толпой сочувствующих.

Прошло ещё несколько дней. И только на десятый день после опубликования печального некролога редакция «Морского флота» решила публично признать «воскресение» капитана Раджабова. 7 июня в газете появилась коротенькая, стыдливая поправка:

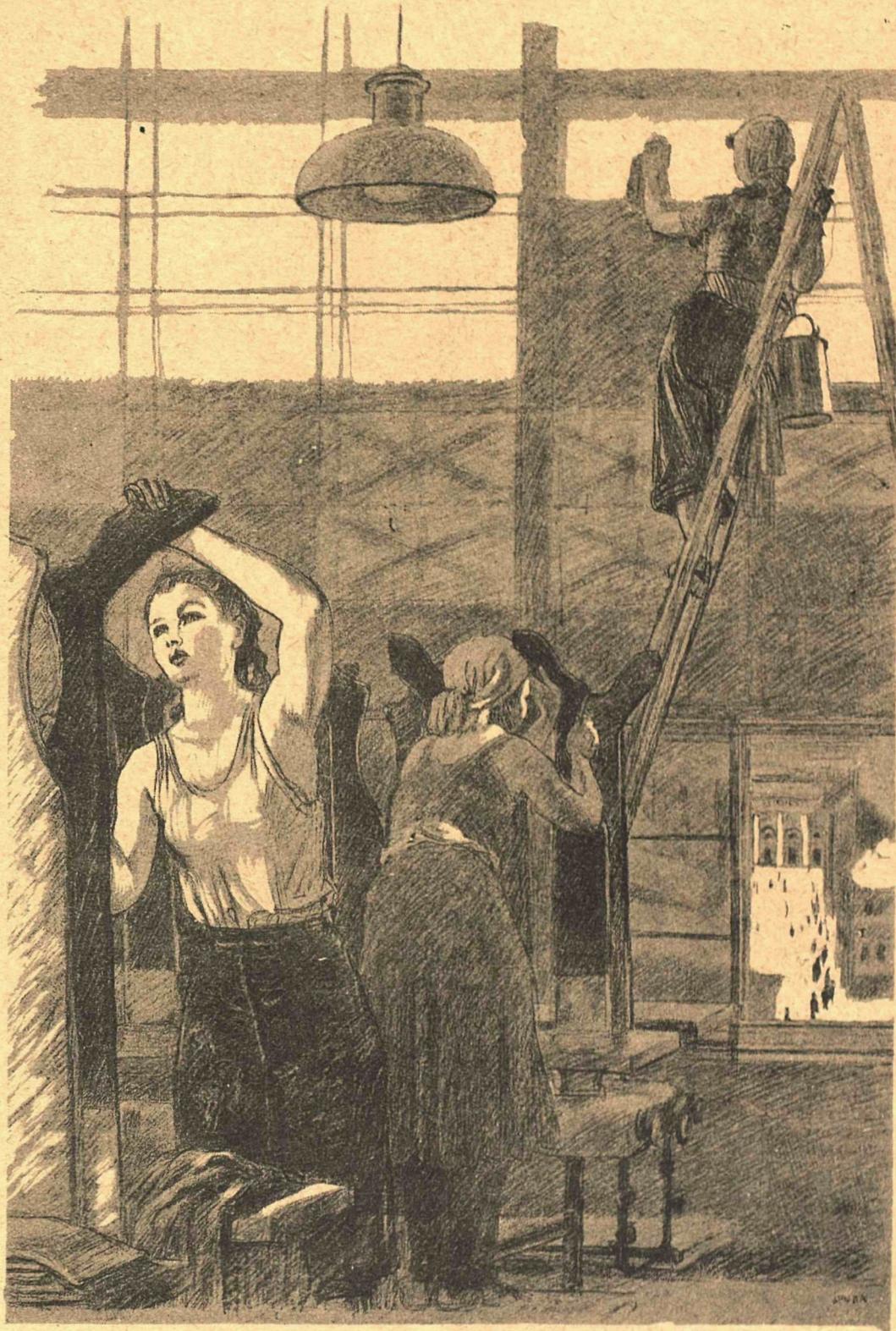
«...В № 42 нашей газеты ошибочно напечатано: «Али-Бала Раджабов». Следует читать: «Гаджи Ага Раджабов, капитан теплохода «Москва». Редакция приносит извинение капитану теплохода «Иосиф Сталин» тов. Али-Бала Раджабову».

В общем, как сказал поэт, «спящий в гробе, мирно спи, жизнью пользуйся живущий».

Надо думать, что каспийские моряки будут чувствительно благодарны ответственному редактору «Морского флота» тов. А. И. Валуйскому за любезное разъяснение. Но им всё-таки придётся поломать голову над хитрой загадкой: если вместо юдного имени в некрологе «следует читать» другое и вся ошибка заключалась только в перепутанных именах, то как же в таком случае «следует читать» биографию другого Раджабова?

До сих пор нам ещё не приводилось слышать, чтобы биографии двух однофамильцев были схожи между собою, как две капли несвежих редакционных чернил...

М. ЛЬВОВ

— Эх, много ихнего брата в эту паутинку попадаются!..

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

ЕДИНСТВЕННОЕ МЕСТО

— Где в этом городе можно выпить? — спросил путешественник, выходя из автобуса в маленьком нефтяном городке в штате Оклахома.

— Видите этот шляпный магазин рядом с депо? — спросил его шофёр автобуса.

— Не хотите же вы сказать, что здесь продают виски в шляпном магазине?! — удивился путник.

— Нет, я хочу сказать, что это — единственное место во всём городе, где не продают виски, — пояснил шофёр.

О ШТОРМАХ И ЯКОРЯХ

Старый морской волк испытывает молодого моряка:

— Что вы будете делать, если вдруг налетит ужасный шторм с правого борта?

— Брошу якорь, сэр.

— А если другой шторм ударит с кормы?

— Брошу другой якорь, сэр.

— А если более сильный шторм налетит спереди?

— Брошу ещё один якорь, сэр.

— Постойте, откуда вы берёте все ваши якоря?

— Оттуда же, откуда вы берёте все ваши штормы, сэр.

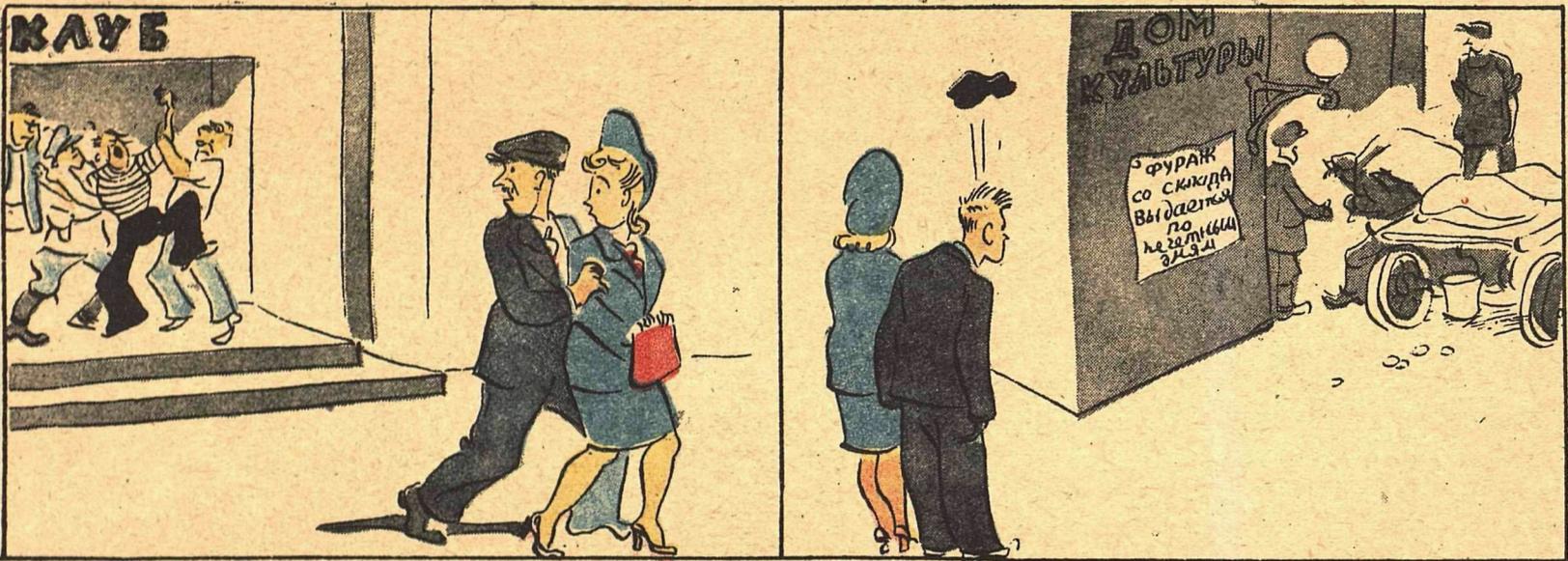
КУДА ПОЙТИ СЕГОДНЯ
(Периферийные картинки)

Рис. Бор. Ефимова

— В театр?

— В кино?

— В клуб?

— В Дом культуры?

— В парк?

— Нет, остаётся только пойти к председателю горсовета и спросить: куда же пойти сегодня?

НОВЫЙ СПОСОБ БОРЬБЫ С БЕЗДОРОЖЬЕМ

До сих пор существовала точка зрения, будто для борьбы с бездорожьем есть лишь одно средство: ремонт или строительство дорог.

Тамбовский областной дорожный отдел доказал, что есть более дешёвое средство. Заключается оно в том, что на неисправных дорогах совершенно прекращается движение. Первый эксперимент применён на дороге Тамбов—Моршанск—Алгасово, закрытой на неопределённое время для пассажирского и грузового автодвижения.

Смушает нас только одно: как будет добираться в районы председатель Тамбовского облисполкома тов. Кузнецов? Неужели он намерен путешествовать пешком порядком? Может быть, лучше ему, пожалев своё здоровье, хотя бы один раз сходить в областной дорожный отдел и проверить, не нуждается ли этот отдел в срочном ремонте?

КАК УТОЛИТЬ ЖАЖДУ

Жарко! Люди томятся от зноя и жажды. Хочется скрыться под сенью какого-нибудь гостеприимного ресторана или чайной и, заказав там кружку холодного пива, с наслаждением поглощать дивный пенный напиток.

Это непередаваемое ощущение известно многим. В том числе, нам думается, и управляющему Саратовским трестом столовых и ресторанов.

А поскольку сей муж знаком с чудодейственной силой пива, рекомендуем ему, когда очень одолет жажда, попытаться утолить её в подведомственной чайной № 4. Но перед этим ни в коем случае не обедать. Потому что пиво подаётся там исключительно с супом или котлетами.

— А если я не хочу есть, а хочу только пить! — с негодованием восклицает заведующий Саратовским трестом столовых и ресторанов. — Что тогда делать?

Вот и мы спрашиваем: а если посетители упомянутой чайной есть не хотят, а желают только пить, — что тогда делать?

Ответ единственный: отменить собственный приказ о подаче пива с супом или котлетами. И никогда больше не издавать подобных распоряжений. Даже в самую жаркую погоду.

РАЦИОНАЛИЗАТОРСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Несчастья так и сыплются на бедную голову пошивочной мастерской горпромкомбината в городе Дзвуджикау (Северная Осетия). За последние полгода дерзкие злоумышленники совершили там три кражи. Похищены матерьялы, костюмы, пальто многих заказчиков.

Но, к чести мастерской, она мужественно переносит эти невзгоды и по мере сил старается возместить убытки пострадавшим.

Так, учительнице Писаревой горпромкомбинат готов уплатить за украденное из мастерской пальто, согласно оценке комиссии, 969 рублей. Но поскольку пальто почти было сшито, в пользу мастерской удерживается 200 рублей за работу. И никакая сила не может убедить работников пилы, что это удержание производится незаконно. Они стоят на своём:

— Раз шили, гони монеты!

Не проще ли было бы горпромкомбинату, основываясь на практике частых краж и возмещения убытков, принимать только плату за работу, как это было в случае с Писаревой, а самую работу не принимать. Этим мероприятием горпромкомбинат добьётся сокращения числа краж и значительно увеличит свои доходы.

СЛУШАЛИ — ПОСТАНОВИЛИ

Гурьевскому исполнительному комитету городского совета депутатов трудящихся, видимо, вконец надоела неприглядная картина улиц и площадей родного города. Всюду пыль, грязь, заустение. Этому надо положить конец!

И вот на овет божий появляется обязательное постановление исполнительного комитета о дворниках. Не постановление, а поэма. В нём предусмотрено всё: и введение института дворников, и поливка утром и вечером улиц, и штраф за нарушение... Одним словом, после такого постановления не то что пыли, соринки лигиде не увидишь.

Но постановление постановлением, а дворников попрежнему нет. И улицы, к сожалению, имеют прежний, неприглядный вид. Даже ещё хуже. К старой грязи прибавились валяющиеся там и сям обрывки обязательного постановления о дворниках.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

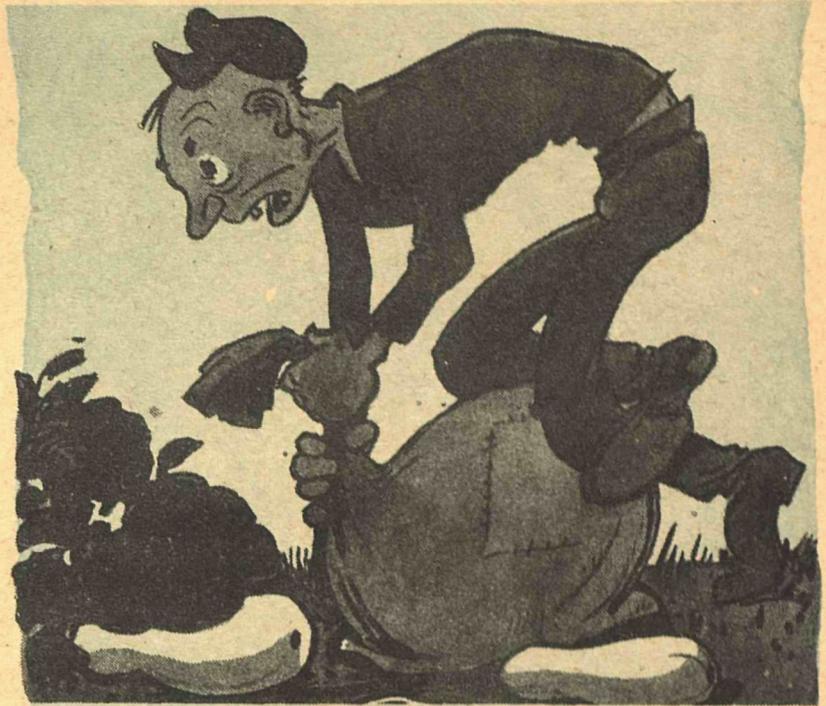
◆ Заместитель управляющего Тульской областной конторой Заготзерно тов. Великов командировал в Москву 67 шофёров за получением автомаши, хотя ни сроки, ни место, куда следует направить шофёров, Великову не были известны. 67 шофёров понапрасну поехали в Москву и через семь дней вернулись обратно ни с чем. Об этом пробеге шофёров Крокодил напечатал заметку. Приказом министра заготовок тов. Двинского Великову объявлен выговор.

◆ Рабочие московского станкозавода имени Орджоникидзе жаловались в Крокодил на безобразное состояние баряков в посёлке по Верхне-Андреевскому оврагу. Распоряжением заместителя министра станкостроения тов. Жидкова руководство жилищно-коммунального отдела

завода сменило и приступлено к ремонту баряков и благоустройству посёлка.

◆ Читатель Крокодила Н. Нуждин сообщил нам, что в Пителинском районе кишиневски потребляется рыба и директор местного рыбзавода Майоров неправильно использует рыбаков. Приказом по Рязанскому рыбтресту Майоров с работы снят и привлекается к уголовной ответственности.

◆ В течение шести месяцев не мог устроиться на работу в Щучинский горный техникум инвалид Отечественной войны тов. Суханов. После вмешательства Крокодила тов. Суханов получил работу, а директор техникума Насыров привлекается к партийной ответственности.

— Ну и тьма! Собственный огород чуть не обворовал!

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ Крокодил!

Как я заметил, банная проблема как-то сошла с твоих страниц. Неужели ты считаешь, что на этом фронте всё благополучно?

Я знаю, ты скажешь, что в последнее время наметились какие-то сдвиги: Ты, наверно, намекаешь на то, что рабочие рыбинской электростанции № 14 получили недавно прекрасную баню после капитального ремонта. К этому ты ещё добавишь, что в бане есть всегда горячая вода, что все клиенты обеспечены шапками. Так что кому, кому, а нам, значит, врать и жаловаться нечего.

Всё это так. Только известно ли тебе, дорогой Крокодил, что в бане не хватает одной только мелочи: холодной воды?

А поэтому, если ты бессилён помочь нам, то хотя бы оповести через журнал наших рабочих, чтобы они приходили в баню со своей холодной водой. А то не все ещё об этом знают, и на почве холодной воды происходят горячие скандалы.

С. ШЕВЧЕНКО,
рабочий электростанции № 14
Рыбинск.

Дорогой Крокодил!

Какой бы фильм ни демонстрировался в нашем кинотеатре «Новости дня», он воспринимается зрителями как жуткая драма. Даже люди с самыми крепкими нервами готовы рыдать, когда смотрят комедию с участием Чарли

Чаплина или хронику физкультурного парада.

Этот необычайный эффект достигнут весьма простым способом. Как только в зрительном зале гаснет свет, изо всех щелей выползают полчища клопов. И так как вопросы киноискусства этих насекомых не интересуют, то, естественно, всё своё внимание они направляют на людей, чем заметно отличаются от администрации кино, которая отнюдь не балует посетителей «Новостей дня» своим вниманием.

Г. ПОЛОЗОВ

Ташкент.

Уважаемый Крокодил!

В апреле этого года старший инженер одного из участков бурения треста «Хадыженефть» Александр Михайлович Анисимов был награждён Краснодарским крайкомом ВКП(б) и крайисполкомом грамотой «За активное участие в организации и руководстве комсомольско-молодёжной бригадой».

Придя домой, тов. Анисимов, к своему глубокому прискорбию, увидел, что грамота по чьей-то инициативе выдана не ему, а его покойной бабушке Александре Михайловне Анисимовой.

Таким образом, внук превращён в особу женского пола, а бабушка посмертно удостоена почётной награды.

По поручению группы товарищей выражаем тов. Анисимову глубокое соболезнование.

П. БУРОВИК

пос. «Широкая балка»,
Краснодарского края.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50, Д 2-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.

Изд-во ЦМ ВКП(б) «Правда».

Москва. Изд. № 482. Подп. к печати 2/VI 1946 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 01486. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1536. Тираж 150.000 экз.

рис. А. Каневского

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
ОБЯЗ. ЭКЗ.
1948 г.

Похоронное бюро изобретений.